

ства как в едином целом, проявлял и великодушие, и жестокость. Таковым не мог быть Бог — Творец Вселенной, поскольку с Ним люди связывают только самые лучшие качества в превосходной степени. Однако сотни и тысячи лет иудеи, христиане и мусульмане верят в то, что действия Моисея направлял не кто иной, как Господь Бог — Творец Вселенной. Укреплению этой веры способствовали руководители иудейских, христианских и мусульманских общин, церквей, организаций — люди, обладающие высочайшим авторитетом, сами непоколебимо этому верившие. Об этом повествовали многие книги, вещали проповедники, на языке красоты говорили великие произведения искусства.

5. Во что верят люди. Бог и Силы Света не желают воздействовать на волю человека и потому лишь призывают верить чистейшим идеалам. Силы темные, видимые и невидимые, стремятся подчинить себе человеческую волю и потому используют свое могущество, чтобы заставить людей верить сообразно своей выгоде.

Люди верят в то, во что могущественные Силы, явные и тайные, призывают или заставляют их верить.

Человеку, который без всякого сомнения верит какой-либо идее, иногда разумно задать себе древний вопрос: «кому это выгодно?». Иными словами, «быть может, кому-то выгодно, чтобы я этому верил?».

6. Умение верить. Вера может излучать свет истины и ввергать во мрак заблуждения. *Мыслящие люди должны учиться верить.*

Для ученого умение верить означает способность постигать истину не только благодаря разуму, но и посредством веры: умение верить в то, что приближает к истине и не верить тому, что отдаляет от нее.

1. Чис. 33: 50—53.

2. Некрасов А. Эгрегоры. Краснодар, 2002. С. 76—79.

И. А. Серова
Пермь

УНИВЕСАЛИИ ПОСТМОДЕРНА В РОССИЙСКОЙ КУЛЬТУРЕ

Постмодернизм — философия «избытка». Он возникает в Европе, в конце XX века, в момент

интеллектуальной пресыщенности в условиях изобилия материальных средств жизни. Экспериментации постмодерна — ткань

жизни сытого сознания. Это желание, в прямом смысле слова, видеть кожей, есть глазами, слышать сердцем. Казалось бы, где найти в России объект, для которого постмодернизм в конце XX — начале XXI века может стать методологией развития, ведь у нас пока всегда чего-то не хватает? Тем не менее, такие объекты есть. Это художественное и научное сознание. Художественное сознание в России традиционно избыточно и в замыслах, и в решениях: достаточно вспомнить репертуарные театры, декаданс и андеграунд, сублимацию избытка в русском космизме и т. д. Научное сознание всегда видит смысл в углублении смысла, поэтому стремление выйти за пределы, увидеть новые горизонты за границами сытости для науки органично. Соответственно, изучение реальных механизмов взаимодействия европейской и русской культур через филиацию идей постмодерна в структурах современного научного и художественного сознания — интересная исследовательская задача.

Под влиянием постмодернизма искусство превращается в художественную культуру повседневности, а также в художественное производство нового качества жизни, которое постмодерн связывает с реализацией концепта «новой искренности». Ее центральным действующим лицом являются витальные и информационные импульсы тела, без надзора и цензуры, благодаря которым возможно не созерцать образы, а непосредственно приобщаться к сущностям. Проекцией постмодернистского гиперакцента на тело в художественное сознание является перенос внимания с рационального содержания слова на плоть, что возвращает жизнь в искусстве на довербальный уровень — визуально-пластический. Основной пафос «новой искренности» — всполохи ощущений в качестве доминанты при восприятии постмодернистских шедевров. Коллажи, боди-арт — классика постмодерна, причем эта классика — стиль симулякра. В условиях тотального дефицита тактильного прикосновения боди-арт парадоксальным образом «возвращает» человеку эту утраченную потребность. Равноправие дискурсов, склеенных из цитат, вызывают к жизни концептуальные модели, опирающиеся на внутреннюю разорванность, шизофреничность языковой ситуации, что убивает вкус к большим стилю и форме.

Интересно преломление постмодернистских идей в региональной художественной культуре. Постмодерн действительно без претензий на большой стиль дает право на экспериментации по краям, где ремесло, а не искусство позволяет эффектно самоактуализироваться, а сочетание несочетаемого обеспечивает факт уникальности и номинальной ценности. Римейки, ремиксы, ироническое отно-

шение к классическим образцам позволяют художникам существовать на идеях прошлого. Действительно, позиция постмодернистской культуры — «сопричастность», вовлеченность в события, а ассоциативное искусство представляет шанс для самовыражения любому посетителю посредством использования форм общения, которые не предполагают превосходства автора над зрителем, поэтому жить становится, если не лучше, то, очевидно, веселей. Наш город уже представляет собой не единый однородный и центрированный текст, а ризомный, очень подвижный, текучий, постоянно меняющийся очертания конгломерат текстов и знаков, вербальных и визуальных, где каждый текст может сворачиваться в знак, а каждый знак может разворачиваться в текст.

Каковы проекции постмодернизма в науку?

Информационное общество, не без влияния науки, актуализирует виртуальные миры, которые вроде бы усиливают возможности человека, и в то же время являются иллюзией обладания. Виртуальность — предметная форма возможного, которая еще не осуществлена в реальной деятельности, но уже больше, чем возможность. Незавершенное усилие — лейбл виртуальности. «Почти делал это, но все еще не делал... вот-вот уже прикасался, уже держал, однако не достигал, не прикасался, не держал, не соглашаясь умереть для смерти и жить для жизни». (1. с. 314) Виртуальная пассивность стрессогенна. Любовь по Интернету есть, а партнера по повседневности нет, виртуальный капитал есть, а денег нет, компьютерная игра есть, а отдохнуть, играя, не удастся, дистантное образование есть, а воспитанности нет.

Наука оставляет свое поле битвы за истину и начинает активно шарить по краям. Скажем, программа отложенного отцовства, суррогатного материнства есть, а программы материальной поддержки воспитания нормального, здорового ребенка из семьи среднего класса нет. Лечить больных затратно и обременительно, поэтому «болезнь принимает здоровые формы», медицина свои усилия направляет на лечение здоровых. Эстетическая медицина, генная инженерия, транссексуальная хирургия сегодня на переднем крае борьбы с «болезнями». Даже зарплата медицинских работников повышается государством по самому краю — первичному звену.

Благодаря постмодерну эталоном современного ученого признан эмоциональный интеллект, обладающий критическим визуальным мышлением, ибо мир сегодня — это рождающее само себя произведение искусства. «Микробный пейзаж влагиалища: пастораль или вакханалия» — не правда ли, тема будит воображение? Искусство растормаживает деятельность правого полушария моз-

га, тем самым, повышая эвристический потенциал мышления. Красота в прямом смысле слова творит мир, ибо, как справедливо заметил великий А. Матис, форма важнее содержания, т. к. она им становится. Беспорядочное распространение информации, множественность векторов развития, движение желаний ученого, идущие вверх, вниз, без регулярностей, без возможности предсказать следующее движение, переписывание текстов, коллажирование, исчезновение контроля над текстами из-за постоянно меняющихся смыслов и переплетения значений вызывает к жизни концептуальные модели, которые со стороны воспринимаются как шизопоток, а постмодернизмом оцениваются как красота. «Не думать, а воспринимать, наблюдать, отмечать, конструировать в воображении!» — беспорядок корневища научного мышления возвращает нас к Гераклиту, для которого сущность человека подлого, т. е. принадлежащего к черни, заключается в том, что в нем все течет. В нем преобладает та самая вода, которая есть смерть огня. Кстати, у Гераклита ученый — аристократ духа. Современный ученый, в проекциях постмодерна, статусная чернь, не только потому, что он не в состоянии зафиксировать мир в понятиях, но и потому, что в его чувствах нет огня, уничтожающего словесную муть, огня, освещающего путь к истине. Таким образом, ученый перестает делать то, что должен делать и за это общество подвергает его остракизму, понижает в статусе. Благодаря постмодерну универсализм в науке заменяется ничем не упорядоченной множественностью.

Каковы итоги внедрения постмодернизма в реалии русской культуры?

— Спроецировано в художественное сознание постмодернистское решение проблемы человека как «коммуникативного субъекта», «случайного индивида», который несет с собой новый художественный стиль, отличающийся от неоавангарда возвратом к своеобразно понимаемой красоте как «шизопоток», «беспорядку корневища», и в то же время красоте как реальности, сюжету, мелодии, гармонии. Обретает актуальность метафора: «Жизнь есть театр», соответственно, дизайн — реквизит, декорации; люди — актеры, смело меняющие маски и костюмы (мода, боди-арт, эстетическая хирургия).

— Эстетизация действительности в Столицах и Провинциях, осуществляется, исходя из постмодернистского принципа: «Центр — нигде, Вселенная — везде». Социальные, художественные технологии, предложенные постмодерном, эффективно используются для выработки установки на самоактуализацию в мире повседневности.

— На наших глазах идет постмодернистская переоценка ценностей или, точнее сказать, смещение акцентов в общественном сознании с духа на тело, со смысла на качество жизни, с сакрального на профанное, с науки на обыденность, с идеологии на дизайн, с эстетизации на карнавализацию действительности, с серьезного на смешное. Образ начинает теснить слово, эмоция — рассудок, фантазия — мир реальных человеческих отношений.

— Переоценка ценностей осуществляется на основе постмодернистской аксиологии, в которой вместо классического «сущность» на первый план выходит поверхностное. «Ризома» вытесняет категории «причина», «следствие», «основание». Многообразие связей, отношений, взаимодействий микшируются понятиями «интертекст», «диалог», «гипертекст». Творчество предстает как деконструкция, совершенство объявляется не существующим, рассматривается как маска или даже гримаса. Становление сопрягается с несовершенством, как выражением свободы, динамизма, хаоса.

— Растет эвристический потенциал постмодернистской философии как теоретического источника развития региональной культуры. Замена скульптуры на инсталляции, живописи на перформансы, драмы на мюзиклы, балета на пантомиму, демократизации общественной жизни на карнавализацию, театрализацию повседневности средствами массовой культуры и медиа-искусства меняют настроения, вкусы, желания людей в провинции.

Таким образом, эстетическая рефлексия благодаря постмодерну в современном обществе теснит и познавательную, и этическую мысль. Постмодернисты уверены в том, что эстетизация повседневности смягчает действие синдрома панического состояния общества, кризиса эсхатологической тоски индивида. Образы, метафоры, активные формы созерцания, замысловатые стили, фантазмы, художественный эпатаж, переизбыток значений и нехватка оценочных суждений — современные средства конструирования мира средствами постмодерна. Это мир без понятий, без убеждений, без классической рациональности и, что самое опасное, без большого стиля. «Исчезновение стиля — это основной элемент всякой культурной проблемы» — так звучит предупреждение Хейзинга, философа, искушенного в человеческих играх.

Рабинович В. Л. Человек в исповедальном жанре // О человеческом в человеке. М., 1991.